

Библиография

Салмин. А.К. Система религии чувашей. СПб., 2007.

Goodrick-Clarke N. Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism and the Politics of Identity. N.Y.: New York University Press, 2002.

Harvey G. Inventing Paganism: Making Nature // The Invention of Sacred Traditions / James Lewis and Olav Hammer (eds.). Cambridge University Press, 2007. P. 277–290.

Strmiska M.S. Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives // Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives / Michael F. Strmiska (ed.). Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2005. P. 1–53.

Т.Б. Щепанская

**ЖАНР ЭКСПЕДИЦИИ «ПО СЛЕДАМ...»
И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ**

В этой статье приводятся некоторые результаты полевых исследований, которые проводились мною в 2002–2009 гг. в Ленинградской области (Подпорожском, Тихвинском, Бокситогорском, Гатчинском районах), а также в соседних районах Вологодской и Новгородской областей и Республики Карелия. В период с 2006 по 2008 гг. исследования сельского населения Ленинградской области осуществлялись в рамках проекта «По следам экспедиции Д.А. Золотарева» (рук. А.И. Терюков). В рамках этого проекта продолжились мои исследования восточных районов области — этноконтактной зоны, сельское население которой представлено в основном вепсами, русскими и карелами [Егоров, Киселев, Чистяков 2007]. Жанр экспедиции «по следам...» прямо вписывается в критическую модель конструирования «традиции» из будущего тех явлений, которые понимаются под «традицией». Путешествуя «по следам», мы прямо артикулируем этот взгляд из будущего. Поэтому хотелось бы рассмотреть эту форму с точки зрения ее теоретического потенциала.

Вернусь к проекту. Говоря об «экспедициях Д.А. Золотарева», мы имеем в виду полевые этнографические исследования 1925–1928 гг. на территории нынешней Ленинградской и сопредельных областей и Республики Карелия, в местах расселения ряда этнических групп, таких как вепсы, ижора, водь, карелы, финны (суоми) и др., а также в этноконтактных зонах этих групп «северо-западных финнов» (терминология того времени) с русским населением. Эти экспедиции были организованы этнографическим отделом Русского музея в сотрудничестве с кафедрой этнической антропологии Ленинградского государственного университета, Ленинградским обществом изучения местного края, Русско-Финской секцией КИПС (Комиссии по изучению племенного состава населения СССР) Академии наук (Кингисеппский отряд Северозападной экспедиции КИПС). Перед участниками была поставлена цель — исследование «племенного состава населения СССР».

На территории, занимаемой ныне северо-восточными районами Ленинградской области, экспедиция Д.А. Золотарева работала в 1926–1927 гг. Сначала было обследовано Каргинское общество (обществом называлась группа деревень, объединенная одним сельсоветом, обычно имевшая также общий погост с церковью и образывавшая приход) бывшей Винницкой волости. В 1927 г. — Озерское общество (верховье р. Ояти), а также Ладвинское («Ладва», вокруг Ладвинского озера) и Пелдушское общества (в районе Печевского озера) [Малиновская 1930: 163–165]. В период работы экспедиций эти территории входили в Лодейнополюский район Ленинградской губернии, ныне они принадлежат Подпорожскому р-ну Ленинградской области. В 1928 г. работа Северо-Западной этнографической экспедиции под руководством Д.А. Золотарева продолжилась, в районах расселения велсов работал Ленинградский отряд (З.П. Малиновская, Н.С. Розова, Е.В. Скородумова) [Отчет 1929: 88–91].

Эти районы стали отправной точкой и моих исследований «по следам» экспедиции конца 1920-х годов (с. Винницы и д. Васильев Двор, д. Лукинская (Озёра), Немжа, Шондовичи, Никулинская (Заозерье), кусты деревень Мягозеро и Ладва в Подпорожском р-не; д. Харагеничи, Никульское, Григино, Чудское, Кончик, Долгозеро в Тихвинском р-не; в 2002 и 2007 гг. — д. Чудцы, Чудская Бокситогорского р-на). Исследование связей и передвижений сельского населения этих мест обусловило интерес к расположенным несколько южнее с. Климово, д. Усадище, Толсть, Логиново, Журавлево Бокситогорского р-на (поездки 2008 и 2009 гг.) — этноконтактной зоне расселения русских и карел, а также к сопредельным с Ленобластью районам Республики Карелия (с. Михайловское Олонецкого р-на в 2009 г.) и Вологодской обл. (с. Борисово-Судское Бабаевского р-на в 2005 г., с. им. Бабушкина в 2008 г.). Такова география полевых работ, на которые я буду здесь опираться.

Экспедиция «по следам...» предполагает возможность наблюдать явления в процессе их развития. Программа Д.А. Золотарева достаточно подробно очерчена в его докладе на собрании 20 июня 1925 г., прочитанном для сельских учителей, занимающихся краеведением. Эта программа включала обычные для того времени разделы монографического описания локальной традиции и такие пункты, как население (этнический состав, названия и самоназвания, здоровье, внешние особенности и проч.), история заселения края, хозяйственный быт, средства передвижения, одежда, постройки, народные обычаи, обряды, верования, семейная и общественная жизнь, преступления, народное творчество [Золотарев 1925].

Однако уже на этапе планирования экспедиции возникли очевидные сомнения в необходимости такого монографического исследования — точнее, необходимости делать это полевыми методами (имеется множество публикаций, по многим разделам ведется официальная статистика и т.д.). Если ставить задачу сравнения состояния народной культуры во времена Д.А. Золотарева и теперь, то встает вопрос о том, что и в рамках какой модели надо сравнивать. Изменения отдельных элементов культуры (вместо долбленых и дощатых лодок делают плоскодонки с жестяным дном; вместо русской печки в углу при

входе — печку-стенку посреди избы и т.д.) могут быть поняты в контексте трансформации самой системы традиции (как механизма социальной памяти). Без ее учета этнография не может перейти от описания отдельных фактов-наблюдений к пониманию логики, их объединяющей.

Эмпирически заметное обстоятельство: по большинству разделов монографической программы существуют местные коллекции, записи, частные и общественные музеи и архивы, т.е. собирательство организовано в рамках самой локальной традиции. Задачей этнографической науки становится в этих условиях анализ институциональной базы местного собирательства, по сути — конструирования того, что понимается под «традицией» на уровне местного сообщества (т.е. ее носителями). Можно подойти к проблеме через изучение «мест памяти» (локализации, локальной организации практик воспоминания) (см., напр., применительно к российским реалиям [Les sites... 2007]). Анализируя эти институты, я имею в виду два вопроса: (1) кто определяет отбор, интерпретацию, экспонирование элементов повседневности в качестве репрезентаций «традиции», т.е. чей взгляд конструирует локальное понимание традиционной культуры; (2) как этот взгляд может влиять на содержательную сторону, т.е. на набор этих элементов.

В этой краткой работе я рассматриваю один из институтов социальной памяти, ориентированных на то, что в рамках самих этих институтов носит название «традиции» или «традиционной культуры», а именно локальные этнографические экспозиции, опираясь на материалы по восточным районам Ленинградской области как на case study. Такие музеи существуют в школах, библиотеках, домах культуры, зданиях сельской администрации, при гостевых домах и частных туристических объектах (туристических, охотничьих, рыболовных базах в сельской местности), в частных домах, дачных домиках.

Школьные музеи, с которыми мне удалось ознакомиться, были организованы в 1960–1980-е годы. Музей при школе с. Климово, по словам ее директора Е.П. Ватагиной, создавался в 1960-е годы. Она упоминает «приказ из района» (тогда Климово относилось к Ефимовскому р-ну, ныне упраздненному). Содержание коллекций определяется их предназначением — для занятий по краеведению, а также способом их формирования (сбор по домам, детские «экспедиции» — походы по окружающим деревням). И собирательство, и практики памяти в школе получают административное подкрепление (ученики получают задание «принести старые вещи», «расспросить» старших, написать сочинение). Основной фактор попадания в музей — традиция хранения определенных вещей: приносят то, что принято хранить в доме (например, одежда из сундука или старая утварь с чердака), или то, что остается от дома после его разрушения, предметы декора (кованые замки, ключи, скобы, наличники). Реже — атрибуты ремесел, рыболовства, охотничье и дорожное снаряжение. Иными словами, «музеефикация» (замещение утилитарной функции функцией памяти) произошла или началась уже дома. Очень редко в школьных музеях встречаются ритуальные предметы: в с. Климово хранится каменный крест с кладбища в д. Шульгино, встречались металлические образки и кресты. Едва ли попадет сюда и вещь, еще не вышедшая из практического

использования (как «обычная», а потому неинтересная, недостойная показа и хранения). Возможно, такое отношение определяется дидактической функцией подобных собраний — как наглядного пособия для изучения прошлого — истории края.

В коллекциях школьных музеев встречаются альбомы, которые в советское время вели в различных организациях (леспромхозах, совхозах, МТС, на заводах) — настоящие аккумуляторы коллективной памяти. Там собраны фотографии и газетные вырезки, связанные с важными этапами в жизни организации. Такие альбомы, ставшие ненужными после закрытия предприятий, иногда передавались в школьные музеи и библиотеки. Я видела их в школьном музее с. Климово (2008 г.) и в Доме культуры д. Журавлево (2009 г.). Завклубом (директор ДК) в Журавлево вполне оценила практическую востребованность альбомов, которые, по ее свидетельству, облегчают ей проведение коллективных мероприятий: «У нас когда собираются вот так вот на праздник, у меня много альбомов, я сейчас покажу, и особой программы не нужно делать, потому что только пускаешь эти фотографии по рядам — и тут идет разговор-воспоминание, все пошло — ну, так? — Так! — Да... Только затишь, сказали что-то — я опять пускаю. И опять пошло... Воспоминания... Вот так я и стараюсь» [ПМА: видеозапись 2.10 2009, День пожилого человека в ДК].

Интерпретация школьных коллекций заметно привязана к личности собирателя или ответственного за их хранение учителя — по моим наблюдениям, это учителя начальной школы, труда, истории, вепского языка (на территории проживания вепсов). В условиях, когда описи отсутствуют или отрывочны, интерпретация музейных вещей определяется краеведческими интересами и историческими познаниями ответственного за музей учителя. С его уходом коллекции нередко становятся «слепыми». Так, в Климовской школе краеведческой работой занимался бывший учитель истории А.В. Иванов, ныне переехавший в с. Михеево недалеко от Пикалево. После его отъезда материалы (информация о предметах) были утеряны.

Небольшой школьный музей работал и в д. Лукинской. Класс был заперт, а по случаю ремонта в школу вообще никого не пускали (там трудно было дышать от запаха краски). Директор, Л.Н. Левшакова, специально открыла класс, чтобы провести для меня экскурсию. Некоторые ее пояснения отсылали к учебной литературе по истории. Еще одно, совсем небольшое, собрание обнаружилось в сельской библиотеке. Оно существует с 1973 г., когда библиотекарем начала работать Г.Н. Мартымянова, которая довольно подробно рассказала мне о предметах утвари (и о формировании коллекции), об истории села, затем прочитала стихотворение собственного сочинения о любви к родному вепскому языку (стихотворение на русском). Заметила, что существует потребность в литературе о вепской культуре на русском языке. В библиотеке хранится и диск с видеоматериалами, снятыми одной из приезжавших сюда экспедиций (с киногруппой, снимавшей этнографический фильм).

С 1983 г. формируется собрание музея при школе в п. Курба (с 1987 г. он получил статус школьного краеведческого музея). Инициатор его создания и бессменный руководитель — учитель С.И. Ершова. Однако попасть в этот

музей мне не удалось: кроме готовности хранительницы музея, требовалось еще разрешение директора школы (и ключ), которая отказала в довольно грубой форме (не помогли и академические удостоверения). Доступ посетителей к коллекциям, хранящимся в школьных классах, представляет определенную проблему, поскольку остается на усмотрение директора, вход посторонним (в том числе местным жителям) в школьное здание обычно запрещен в учебное время, а во внеучебное классы или даже здание под замком (там идет ремонт).

Библиотека или Дом культуры, Центр или Дом народного творчества в этом отношении более доступны как места по определению публичные. В крупных селах и районных центрах открываются фольклорно-этнографические центры (например, с 1998 г. функционирует Центр вепского фольклора в с. Винницы при сельском Доме культуры), где музейные экспозиции сочетаются с мастерскими и кружками по возрождению традиционных ремесел (в Виннице — плетение из бересты, ткачество, лоскутное шитье, резьба по дереву), народными фольклорными коллективами. При Винницком центре работает также Вепский театр кукол, инсценирующий фольклорные сюжеты, устраивающий представления, связанные с народной обрядово-праздничной культурой.

Еще один фактор, определяющий набор вещей в местных музейных собраниях, нередко располагающихся в одном помещении, — это их размеры (именно недостатком места объясняли, например, отсутствие долбленых лодок или вообще транспортных средств). Исключение — коллекция транспортных средств в Ладве, где экспозиция располагается не только в доме, но и в обширном дворе владельца. Большие деревянные сани обнаружили и на чердаке деревянного дома в д. Журавлево Бокситогорского р-на. Это гостевой дом, принадлежащий женщине, до недавнего времени (до вхождения Журавлево в состав Климовского сельского поселения) бывшей главой администрации (и теперь она сохраняет неформальное лидерство среди односельчан, в особенности старшего поколения).

Дом руководителя администрации или помещение в административном здании — вообще довольно характерный вариант локализации этнографической экспозиции. В с. Михайловское Олонецкого р-на Республики Карелия (примерно в двадцати километрах от границы Ленобласти) второй этаж в доме главы сельской администрации используется как гостевой дом. Во дворе, ближе к улице, идет строительство большого бревенчатого дома, в котором предполагается разместить культурный центр карел-людиков (представители этой группы живут в селе). Там же будет помещение для гостей. Строительство поддержано грантами международных организаций.

Характер экспозиций в гостевых домах и туристических центрах определяется интересами поклонников сельского туризма — в основном, городских жителей. Домашняя утварь вписывается в обстановку гостевого дома, придавая оттенок местной экзотики; ремесленные изделия предлагаются как сувениры, а лодочный промысел ориентирован на приезжающих рыбаков (можно недорого приобрести или арендовать лодку для рыбалки на сезон).

Итак, в изучаемой местности сформировались институты, ориентированные на сохранение и репрезентацию традиции и на практике ответственные за определение ее образа и границ. Судя по нашим наблюдениям, традиция определяется сквозь призму взгляда, сформированных потребностями институтов образования, туризма, а также местного (муниципального) управления и локальных этнических общественных организаций.

Библиография

- Егоров С.Б., Киселев С.Б., Чистяков А.Ю.* Этническая идентичность на пограничье культур. По материалам обследования сельского населения Ленинградской и Смоленской областей. СПб., 2007.
- Золотарев Д.А.* Изучение населения Ленинградской губ. // Краеведение. 1925. Т. 2. № 1–2.
- Золотарев Д.А.* В северо-западной Карелии // Западно-финский сборник: Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. 16. Л., 1930. С. 1–21.
- Малиновская З.П.* Из материалов по этнографии вепсов // Западно-финский сборник: Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. 16. Л., 1930. С. 163–200.
- Отчет* о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических республик за 1928 год // II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1929.
- Программа* этнографического описания // Тр. Краеведческой Комиссии ЛОИКФУН. Л., 1927. Вып. 1.
- Les sites de la mémoire russe. Tome I. Géographie de la mémoire russe.* Centre national du livre. Librairie Arthème Fayard. 2007.